

**К XIX Апрельской
международной
научной конференции
по проблемам развития
экономики и общества**

10–13 апреля 2018 г.
Москва

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ УЧАСТИИ ВСЕМИРНОГО БАНКА

Н.В. Акиндинова
В.А. Бессонов
Е.Г. Ясин

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ОТ ТРАНСФОРМАЦИИ К РАЗВИТИЮ

Доклад НИУ ВШЭ

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2018

УДК 338.2
ББК 65.05
А39

Акиндинова, Н. В., Бессонов, В. А., Ясин, Е. Г. Российская экономика: от трансформации к развитию [Текст] : докл. к XIX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 10–13 апр. 2018 г. / Н. В. Акиндинова, В. А. Бессонов, Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 55, [1] с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1753-6 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1811-3 (e-book).

УДК 338.2
ББК 65.05

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

ISBN 978-5-7598-1753-6 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-1811-3 (e-book)

© Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2018

Содержание

Введение	4
1. Завершение трансформации от плана к рынку	6
1.1. Краткий очерк экономической трансформации	6
1.2. Итоги переходного периода	10
1.3. Вызовы «новой нормальности»	19
2. Экономические итоги последних лет	24
2.1. Экономическая динамика	24
2.2. Макроэкономическая среда	26
2.3. Рыночные механизмы	29
3. Структурное наследие трансформации	31
3.1. Сырьевой бизнес	33
3.2. Крупный несырьевой бизнес	36
3.3. Малый и средний бизнес	37
4. Сценарии экономического развития	41
4.1. Ограничения развития	41
4.2. Консервативный (инерционный) сценарий	42
4.3. Реформаторский сценарий	43
5. К текущей ситуации	46
Литература	54

Введение¹

Со второй половины 80-х годов XX столетия в России (тогда — СССР) начались перемены, в результате которых в нашей стране многое изменилось. Первая полоса перемен имела наиболее яркой стороной демократизацию страны, закостеневшей в атмосфере тоталитарного, а затем, скорее, авторитарного режима, что подготовило последовавшие реформы. С 1992 г. начались экономические реформы, нацеленные на переход от плановой к рыночной экономике. За ними наступил весьма тяжелый трансформационный спад, продолжавшийся до 1998 г.

Затем начался период восстановительного подъема, захвативший десятилетие (1999—2008 гг.). Новая Россия, уже с рыночной экономикой, получившая также возможность использовать преимущества нефтяного бума в обстановке политической стабильности, сумела поднять экономику, заметно повысить уровень жизни.

Крупные политические события — распад СССР, Чеченская война, смена руководства с начала 2000-х годов — наложили отпечаток на судьбу Новой России. С начала XXI в. страна жила в обстановке политической стабильности. Это имело свои позитивные и негативные стороны, которые со временем обозначались все более четко.

После кризиса 2008—2009 гг., ставшего проявлением в России мирового финансового кризиса, а также событий 2011—2012 гг. страна вступила в новый этап своего развития. Затухание темпов роста экономики, снижение уровня благосостояния поставили вопрос о том, как будет развиваться Россия дальше. Будет ли это просто «новая нормальность», свойственная стране после серьезных институциональных и структурных перемен, либо для ее развития нужны дополнительные перемены, чтобы открыть дорогу перспективному развитию, модернизации, новым достижениям? На эти вопросы мы старались отвечать в предшествующих работах, намерены и теперь сосредоточить на этом наши усилия. Тем более что актуальность ответов за последние годы резко возросла.

¹ Данный доклад развивает идеи, представленные в докладе «Экономика России: перед долгим переходом», подготовленном к XVII Апрельской конференции (см.: [Акиндинова, Кузьминов, Ясин, 2016]). Авторы благодарны Я.И. Кузьминову за идеи, позволившие реализовать этот замысел.

Итак, в центре внимания настоящей работы анализ процессов, протекавших в России с начала периода перемен, особенно событий последних двух лет, с изучением возможностей дальнейшего развития: что можем, чего хотим.

Логика работы такова. Чтобы судить о перспективах развития экономики, необходимо понимать, в чем состоят и чем обусловлены особенности текущего состояния, как и почему экономика пришла к нему. Этому посвящен раздел 1, в котором представлен взгляд «с высоты птичьего полета» на развитие российской экономики с начала проведения рыночных реформ. Обсуждаются стадии экономической трансформации и ее основные итоги. Показано, что переходный период подошел к своему завершению. Экономика получила бонусы и понесла издержки, связанные с переходом к рынку. Затухание процесса трансформации и наступление «новой нормальности» порождает вызовы, требующие иной повестки взамен исчерпанной кризисной. Необходимость перехода к стабильному развитию ведет к постепенному смещению «центра тяжести» принимаемых решений в пользу тонкой настройки. Это, в частности, формирует спрос на повышение качества институтов.

Более детализированный анализ экономических итогов последних лет проведен в разделе 2. Обсуждается соотношение динамики ВВП и показателей благосостояния и неравенства, выгоды и издержки стабилизации макроэкономической среды (денежной и бюджетной сферы), а также развитие рыночных механизмов (конкуренции и неформальности). На эти итоги существенное влияние оказала структура экономики, сложившаяся в ходе процесса трансформации. Ее особенности рассматриваются в разделе 3. Выделены три рыночных макросектора: сырьевой бизнес; крупный несырьевой бизнес; малый и средний бизнес. Предприятия этих макросекторов существенно различаются по характеру взаимоотношений с государством, доступу к рентным доходам, механизмам адаптации к изменению внешних условий, уровню рентабельности. Анализируется процесс трансформации трехсекторной экономической модели в более эффективную, характеризующуюся отходом от рентоориентированного поведения и повышением роли рыночных стимулов, который пока далек от своего завершения.

Проведенный анализ служит основой для сценариев экономического развития, обсуждению которых посвящен раздел 4. Рассматриваются два сценария — консервативный и реформатор-

ский. Первый предполагает сохранение текущего вектора экономической политики, тогда как в основе второго лежат последовательные усилия по развитию рыночных начал, снижению рисков ведения предпринимательской деятельности, сокращению перераспределительной активности и возможностей рентоориентированного поведения. В силу завершения восстановительного подъема потенциал консервативного сценария представляется недостаточным для ответа на стоящие перед страной вызовы, что формирует спрос на продолжение реформ и делает реформаторский сценарий предпочтительным.

Вместе с тем возможности осуществления того или иного сценария экономического развития связаны с политическими ограничениями, рассмотрению которых посвящен раздел 5. Реализуемость сценария во многом определяется тем, какие группы элиты его поддерживают, а также поддержкой населения. Анализ результатов опросов показывает, что в среде экспертов популярность реформаторского сценария растет, однако взгляды населения далеко не столь однозначны. Последнее требует проведения систематической просветительской деятельности по разъяснению необходимости продолжения реформ. В противном случае, если сила аргументов окажется недостаточной, может возникнуть соблазн прибегнуть к аргументу силы.

1. Завершение трансформации от плана к рынку²

1.1. Краткий очерк экономической трансформации

Анализ российской экономической динамики последних трех десятилетий естественно проводить в контексте перехода от плана к рынку, т.е. в парадигме трансформации. Эта трансформация, начавшаяся в конце 1980-х годов, определила в общих чертах долгосрочные тенденции развития экономики, включая и наблюдающееся в последние годы замедление экономического роста, которое часто называют «новой нормальностью». На эти долгосрочные тенденции наложились три кризиса (начавшиеся в 1998,

² Данный раздел основан на результатах исследования «Структурные изменения в российской экономике и структурная политика» (см.: [НИУ ВШЭ, 2018, разд. 2]).

2008 и 2014 гг.), вызванные экзогенными шоками (рис. 1.1). Хотя анализу данных кризисов традиционно уделяется большое внимание, характер российской экономической динамики последних трех десятилетий определили не они, а более масштабный переходный процесс. Именно экономическая трансформация является тем основным, ведущим процессом, на который накладываются упомянутые кризисы гораздо меньшего масштаба и продолжительности, т.е. события второго уровня.

Накануне трансформации в российской экономике доминировали плановые начала, в соответствии с которыми она функционировала на протяжении шести предшествующих десятилетий. Завершение перехода ведет к преобладанию рыночных начал.

В российском переходном процессе можно выделить три основные стадии — ухудшение, улучшение и затухание³. Первую из них принято связывать с трансформационным спадом⁴. На этой стадии в целом доминировали тенденции снижения производства (рис. 1.1) и благосостояния, что сопровождалось исключительно высокими темпами инфляции (рис. 1.2). К началу 1997 г., когда появились признаки возобновления экономического подъема, снижение ВВП по отношению к уровню 1990 г. составило 40%, а потребительские цены по отношению к концу 1990 г. выросли в 5,7 тыс. раз.

Стадия трансформационного спада сменилась восстановительным подъемом. Поскольку на начальный период подъема наложился кризис 1998 г., то переход к восстановительному подъему традиционно датируют осенью 1998 г., а не началом 1997 г. По аналогичной причине завершением этого периода принято считать осень 2008 г., что позволяет говорить о межкризисном десятилетии. Таким образом, в соответствии с традиционной трактовкой восстановительный подъем занял ровно 10 лет. За это время ВВП увеличился ровно в 2 раза, а потребительские цены выросли в 4,3 раза. Высокие темпы восстановительного подъема были в значительной мере обусловлены большой глубиной предшествующего трансформационного спада. Свою роль сыграло и то, что на фазу восстановительного подъема наложилось событие меньшего

³ См.: [Арнольд, 1990]. Заметим, что в этой математической работе, опубликованной до начала переходного процесса в российской экономике, на качественном уровне было описано именно то, что впоследствии и произошло.

⁴ См.: [Kornai, 1994; Полтерович, 1996; Campos, Coricelli, 2002; Бессонов, 2005].

1990 г. = 100

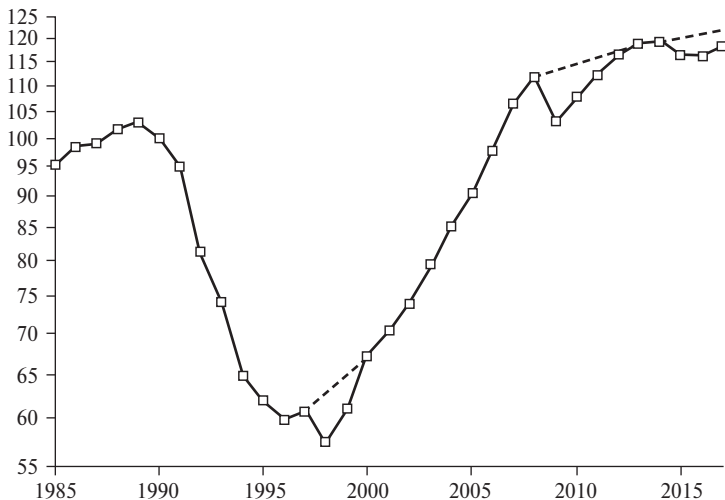

Рис. 1.1. Валовой внутренний продукт в постоянных ценах (выделено влияние кризисов 1998, 2008 и 2014 гг.)

Источник: Расчеты авторов по данным [Пономаренко, 2002] (до 1989 г.) и Росстата.

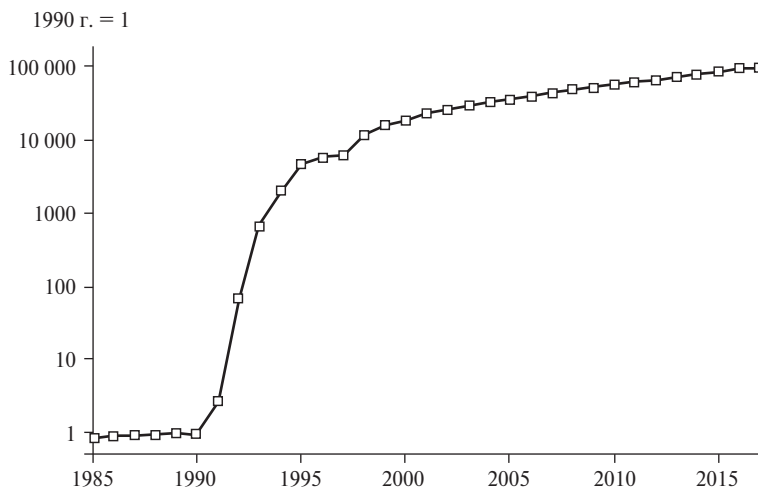

Рис. 1.2. Индекс потребительских цен

Источник: Расчеты авторов по данным Росстата.

масштаба: экономический подъем в первые два года межкризисного десятилетия значительно ускорился (рис. 1.1) в силу того, что на это время пришлось восстановление после кризиса 1998 г. Этот короткий период можно рассматривать как вторичный восстановительный подъем, тогда как первичным восстановительным подъемом следует считать соответствующую стадию переходного процесса.

Завершение начавшегося в 2008 г. кризиса не сопровождалось восстановлением темпов экономического роста, характерных для межкризисного десятилетия. В парадигме трансформации это естественно связывать с затуханием переходного процесса, т.е. с переходом к его третьей фазе. Более точная идентификация границ данного периода затруднена тем, что на него наложилось очередное событие меньшего масштаба — начавшийся в 2014 г. кризис. Впрочем, сколько-нибудь точная оценка момента начала затухания переходного процесса невозможна в принципе.

В последние годы межкризисного десятилетия поддержание темпов экономического роста на стабильно высоком уровне обеспечивалось растущими мировыми ценами на нефть. Если бы условия внешней торговли не продемонстрировали такого улучшения, то следовало бы ожидать постепенного замедления темпов экономического роста уже в последние годы указанного десятилетия. Таким образом, на начальную стадию замедления восстановительного подъема наложилась благоприятная краткосрочная тенденция, обусловленная улучшающимися условиями внешней торговли.

Затухание переходного процесса в 2010-е годы характеризуется постепенным переходом темпов экономического роста к значениям, типичным для стабильной (непереходной) экономики (в частности, для российской экономики до начала трансформации, см. рис. 1.1), и продолжением снижения темпов инфляции (рис. 1.2) также до уровней, характерных для стабильных экономик. ВВП в 2014 г., т.е. в последнем году, когда наблюдался экономический рост до начала текущего кризиса, вырос по сравнению с 2008 г. лишь на 6,0%, а потребительские цены за это же время — на 59%.

Значительное снижение темпов экономического роста в последние годы, получившее название «новой нормальности», можно считать естественным следствием затухания переходного процесса. «Новая нормальность» является возвратом к норме, отклонением от которой была трансформационная динамика. Количественные характеристики «новой нормальности» (темпы экономического роста, темпы инфляции и т.п.) соответствуют ситуации до начала

экономической трансформации, т.е. «старой нормальности». Они типичны для стабильных, непереходных экономик.

Если условия внешней торговли вновь станут столь же благоприятными, как и в последние годы межкризисного десятилетия, не следует ожидать возобновления экономического роста теми же темпами, поскольку они были в значительной мере обусловлены интенсивным восстановительным подъемом после глубокого трансформационного спада.

За период с 1990 г. (последнего года до начала интенсивного трансформационного спада) до 2014 г. российский ВВП вырос всего на 19%, т.е. среднегодовые темпы прироста составили лишь 0,7%. Впрочем, точность этих оценок крайне низка. Таким образом, масштаб российской экономики за последние три десятилетия увеличился незначительно. Но то, что скрывается за этим слабо изменившимся «фасадом», претерпело колоссальные изменения. В частности, в российской экономике произошли масштабные институциональные перемены и структурные сдвиги.

1.2. Итоги переходного периода

Состояние российской экономики накануне начала процесса ее трансформации характеризовалось рядом серьезных диспропорций. Так, экономика имела отчетливый сырьевой характер, что выражалось в гораздо более высокой материало- и энергоемкости производимой продукции по сравнению с развитыми рыночными экономиками. На единицу конечной продукции зачастую расходовалось в несколько раз большее количество сырья и энергии. Диспропорциям в структуре производства соответствовали искажения относительных цен, т.е. диспропорции в структуре цен. Цены на сырье и энергоносители поддерживались на сравнительно низком уровне, тогда как цены на конечную продукцию были относительно высокими. При этом качество конечной продукции далеко не всегда соответствовало международным стандартам, что делало ее еще менее конкурентоспособной.

Военно-промышленный комплекс (ВПК) был гипертрофирован, как и инвестиционный комплекс. В то же время сектор производства потребительских товаров отличался значительным недоразвитием. Среди союзных республик это было особенно характерно для Российской Федерации, на территории которой оказались сосредоточены основные предприятия ВПК. Существенно недоразвит был и сектор услуг.

Причины этих диспропорций связаны с особенностями ведения планового хозяйства⁵. Производители весьма часто не имели должной мотивации к снижению издержек и повышению производительности труда. Это являлось следствием отсутствия конкуренции между советскими предприятиями, а также автаркии, когда в силу государственной монополии на внешнеэкономическую деятельность российские производители не были встроены в систему мировых хозяйственных связей и не сталкивались с конкуренцией со стороны зарубежных производителей. Отсутствие рыночных механизмов и автаркия лишали российских производителей эффективной обратной связи. Искажения относительных цен были в какой-то мере обусловлены и наследием довоенного периода индустриализации, когда установление заниженных цен на сырье и энергоносители и завышенных — на конечную продукцию создавало стимулы для ускоренного развития обрабатывающей промышленности.

Таковы в самых общих чертах диспропорции, сложившиеся в российской экономике к концу периода ее планового развития. Ликвидация этих перекосов являлась одной из целей рыночных реформ. Структурные изменения в процессе переходного периода сопровождались исправлением одних диспропорций и нарастанием других.

Сырьевой характер российской экономики с началом реформ усилился, что не соответствовало ожиданиям. Это проявилось в том, что в первые годы трансформации добывающие отрасли промышленности претерпели значительно менее глубокий спад по сравнению с обрабатывающими отраслями и быстрее перешли к подъему. На единицу продукции добывающих отраслей российская экономика стала производить меньше продукции обрабатывающих отраслей, чем до начала реформ.

На первый взгляд такой структурный сдвиг может показаться парадоксальным. Но он имеет простое объяснение. Либерализация внешнеэкономической деятельности открыла производителям конкурентоспособного, т.е. сравнительно дешевого и качественного (не испорченного обработкой), сырья доступ к внешним рынкам, тогда как производители сравнительно дорогой и не всегда конкурентоспособной по качеству конечной продукции столкнулись с конкуренцией на внутреннем рынке со стороны зарубежных производителей. Цены на сырье и энергоносители

⁵ См. также: [Корнаи, 2000].

при этом закономерно росли опережающими темпами, а относительные цены на многие виды конечной продукции снижались⁶. В результате на протяжении начального периода реформ производители соответствующих видов продукции были поставлены в существенно разные условия.

Были и другие причины такой направленности сдвигов структуры производства. Так, процесс производства высокотехнологичной продукции характеризуется большей сложностью производственных связей, более длинными технологическими цепочками, и поэтому он более уязвим для любых форм дезорганизации⁷, чем производство менее технологически сложной продукции.

Вместе с тем произошедшее усиление сырьевого характера российской экономики нельзя однозначно трактовать как негативный структурный сдвиг. В советское время производилось большое количество неконкурентоспособной продукции. С переходом к рыночным отношениям значительная ее часть перестала пользоваться спросом и уступила место на внутреннем рынке более дешевой и (или) более качественной импортируемой продукции. Переход к рынку не позволил и дальше неэффективно трансформировать материальные и трудовые ресурсы в конечную продукцию невысокого качества. Экономика избавилась от «шлаков». При этом высвободился значительный объем ресурсов, которые были направлены либо на экспорт, что позволило импортировать более эффективно производимую конечную продукцию, либо в другие сектора российской экономики. Аналогичные последствия имел и отказ от гипертрофированного инвестирования. Такая реаллокация ресурсов вела к их более эффективному использованию и в конечном счете способствовала повышению благосостояния.

В качестве иллюстрации этого процесса укажем на изменение ситуации в сельском хозяйстве. В советское время на единицу продукции животноводства в России по сравнению с развитыми странами расходовалось в несколько раз большее количество кормов. Результатом явился хронический дефицит кормов, что вынуждало импортировать большие объемы зерна. Переход к рынку и либерализация внешнеэкономической деятельности привели к тому, что вместо зерна стало выгоднее импортировать продукцию животноводства, на производство единицы которой за рубежом

⁶ Подробнее см.: [Бессонов, 2005].

⁷ См.: [Blanchard, Kremer, 1997].

расходовалось существенно меньшее количество кормов. При этом в стране высвободились значительные объемы ранее неэффективно расходовавшегося зерна, которое начали поставлять на экспорт, что позволило импортировать дополнительное количество потребительских и инвестиционных товаров.

Обсуждаемая реаллокация ресурсов способствовала опережающему росту благосостояния по сравнению с производством. Известно, что валовой внутренний продукт показывает динамику производства, а не благосостояния⁸. В качестве такого показателя можно было бы использовать валовой внутренний доход (ВВД, gross domestic income, GDI), но его российская статистика не рассчитывает. Поэтому опережающий рост благосостояния можно проиллюстрировать лишь на показателях менее высокого уровня агрегирования. На рис. 1.3, 1.4 отражена динамика двух таких показателей — оборота розничной торговли в постоянных ценах и реальных располагаемых денежных доходов населения. Оба этих показателя демонстрируют значительно более высокий рост за время реформ по сравнению с показателем производства (ср. рис. 1.3, 1.4 с рис. 1.1). Особенно отчетливо это проявляется в динамике оборота розничной торговли, который ко времени начала последнего кризиса увеличился в 3 (!) раза по сравнению с предреформенным уровнем⁹, тогда как ВВП вырос лишь на 19%. Таким образом, рост оборота розничной торговли за время реформ в 2,5 раза превысил рост ВВП. Другие показатели благосостояния также демонстрируют за время реформ существенный рост.

⁸ См., например: [Стиглиц и др., 2016; Feldstein, 2017].

⁹ Имеются основания полагать, что оборот розничной торговли отражает динамику благосостояния более адекватно, чем реальные располагаемые денежные доходы. Дело в том, что в 1990–1991 гг., т.е. накануне либерализации цен, доходы населения далеко не в полной мере были обеспечены товарами и услугами. Этот дисбаланс приводил к дефициту на потребительском рынке и к росту вынужденных сбережений населения. Таким образом, показатель реальных располагаемых денежных доходов в эти годы давал завышенную оценку уровня благосостояния по сравнению с последующими годами, когда в силу начала рыночных реформ доходы населения уже были обеспечены товарами и услугами. Соответственно, сопоставление уровня реальных располагаемых денежных доходов после либерализации цен с их уровнями до либерализации дает заниженную оценку изменения благосостояния. Оборот розничной торговли не подвержен аналогичным искажениям, поскольку основан на учете фактически совершенных покупок. Он может лишь несколько завышать уровень благосостояния первых лет после либерализации цен, когда население избавлялось от стремительно обесценивавшихся сбережений.

1990 г. = 100

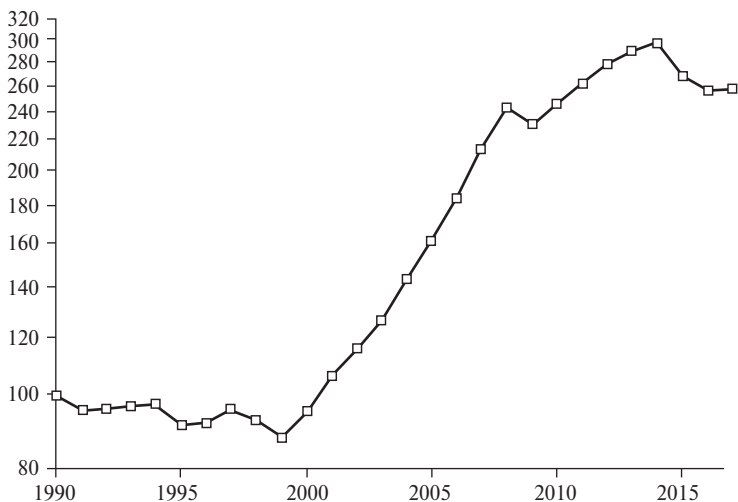

Рис. 1.3. Оборот розничной торговли

Источник: Расчеты авторов по данным Росстата.

1990 г. = 100

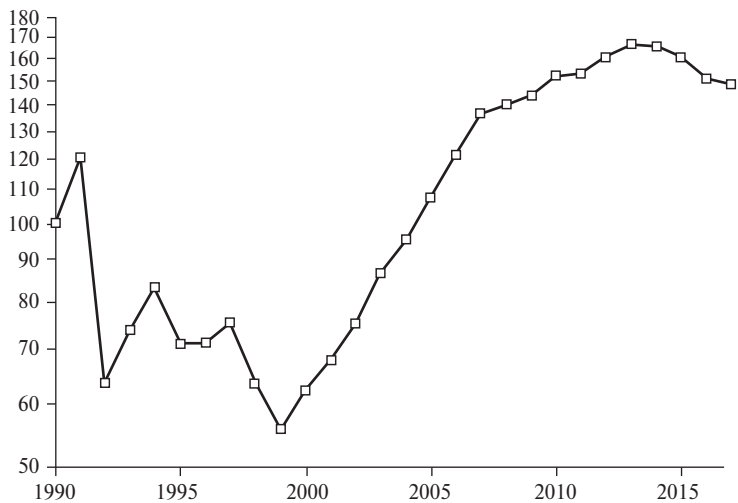

Рис. 1.4. Реальные располагаемые денежные доходы

Источник: Расчеты авторов по данным Росстата.

Заметим, что рост благосостояния, индикатором которого является резкое увеличение оборота розничной торговли и реальных располагаемых денежных доходов населения, происходил в те годы, когда интенсивно возрастали стоимостные объемы экспорта и импорта (рис. 1.5). Все это говорит о том, что в рассматриваемых условиях отказ от производства неконкурентоспособной продукции, снижение ресурсоемкости продукции, сокращение потерь, перенаправление на экспорт высвободившегося в результате этого сырья и импорт более дешевой и более качественной продукции нельзя считать негативным явлением.

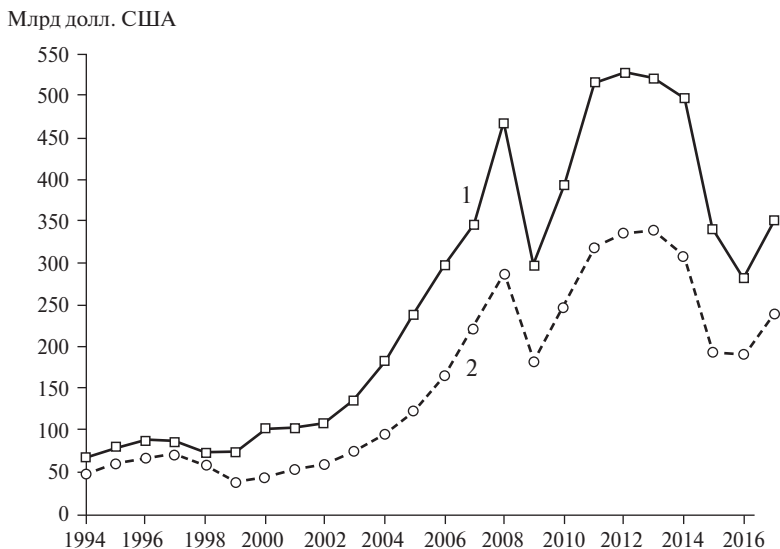

Рис. 1.5. Экспорт (1) и импорт (2) товаров

Источник: Данные Росстата.

Если процесс производства рассматривать как трансформацию сырья (включая сюда и энергоносители) в конечную продукцию, то получение большего количества конечной продукции на единицу сырья можно интерпретировать как повышение эффективности производства. Если наряду с собственным производством учитывать и потоки внешней торговли (экспорт сырья и импорт конечной продукции), то следует признать, что в обмен на те же объемы сырья российская экономика после начала

реформ стала в совокупности получать большее количество конечной продукции и в этом смысле стала более эффективной, отражением чего явился впечатляющий рост благосостояния. Другими словами, пока отечественные производители не научились столь же эффективно трансформировать сырье в конечную продукцию, как их конкуренты из передовых стран, оказалось экономически выгодным экспортировать значительную часть сырья, взамен импортируя конечную продукцию. Разумеется, в долгосрочном периоде такая стратегия едва ли может рассматриваться как приемлемая.

Таким образом, вхождение российской экономики в структуру мировых хозяйственных связей позволило ей получить выгоды от участия во внешней торговле, которых она до этого была лишена. Соответствующий рост благосостояния на этапе восстановительного подъема был обусловлен процессом трансформации, т.е. это был трансформационный бонус. В силу того что он может быть получен лишь один раз, нет оснований рассчитывать на дальнейший опережающий рост благосостояния, обусловленный этим трансформационным эффектом. Благосостояние перешло на другой, более высокий уровень, но его дальнейшая динамика будет определяться иными причинами. Положительное влияние указанного эффекта закончилось в начале 2010-х годов с завершением периода бурного роста экспорта и импорта (ср. рис. 1.5 с рис. 1.3, 1.4).

Еще один трансформационный структурный бонус связан с реаллокацией трудовых ресурсов. К началу экономических реформ промышленность и сельское хозяйство располагали избыточной занятостью. По мере сокращения производства неконкурентоспособной продукции и повышения производительности труда происходило выдавливание избыточных трудовых ресурсов из этих отраслей. Реципиентом выступил сектор услуг (в том числе и его неформальный сегмент), что способствовало его росту, т.е. ликвидации одной из диспропорций, унаследованных от периода планового развития. Величиной этого бонуса можно считать увеличение производства услуг, обусловленное притоком в него трудовых ресурсов из других секторов.

Помимо того что развитие сектора услуг в результате реаллокации рабочей силы дало трансформационный бонус, оно в значительной мере избавило государство от бремени социальной поддержки безработных. Таким образом, изначально недостаточ-

но развитый сектор сыграл в процессе экономической трансформации роль демпфера, смягчив социальные последствия снижения занятости в промышленности и сельском хозяйстве.

Третий трансформационный бонус обусловлен отказом от скрытого субсидирования стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и бывших союзных республик, которым в советское время энергоносители и сырье поставлялись по заниженным ценам. Процесс прекращения скрытого субсидирования в силу ряда причин был растянут на многие годы, но к настоящему времени он в основном завершен.

Вместе с тем исправление одних диспропорций в процессе экономической трансформации сопровождалось возникновением других. Значительно сократилось производство многих видов продукции и услуг, которые российская экономика традиционно была в состоянии качественно производить. Так, в 1990-е годы большую долю внутреннего потребительского рынка заняли импортируемые товары. Засилье импорта в совокупном внутреннем спросе возникло не только в высокотехнологичных производствах, отставание в которых сложилось задолго до начала переходного периода. Значительные потери понесли и достаточно развитые производства с относительно несложной технологией, сохранявшие традиции неизменного качества и даже котирувавшиеся на внешнем рынке за пределами СЭВ (станкостроение, производство оптических приборов и фотооборудования, подшипников и ряд других).

Во многих случаях вместо ожидаемого повышения качества производимой продукции и снижения связанных с этим издержек произошло ее вытеснение с внутреннего рынка. Сформировалась диспропорция, обратная той, которая имела место накануне начала процесса экономической трансформации. Автаркия сменилась ситуацией, когда импортируемая продукция составляла гипертрофированную долю в совокупном спросе.

Причинами формирования этой диспропорции были как неспособность производителей в сжатые сроки адаптироваться к меняющимся условиям экономической деятельности, так и недобросовестная конкуренция во внешней торговле (демпинг не всегда качественной продукции, «челночная торговля»). Свой вклад в возникновение данной диспропорции внес и разрыв хозяйственных связей с бывшими союзными республиками и странами СЭВ, а также эффекты дезорганизации, проблемы неплатежей и другие

подобные факторы. Наиболее существенный удар эти процессы нанесли отечественной легкой промышленности.

Как было отмечено выше, стадия трансформационного спада характеризовалась усилением сырьевого характера экономики. Но в дальнейшем структурные изменения приняли противоположную направленность. Восстановительный подъем в промышленности сопровождался опережающим ростом в обрабатывающих производствах по сравнению с добычей полезных ископаемых. По экономике в целом в этот период наблюдается опережающий рост производства в несырьевом секторе. В сельском хозяйстве также заметен стабильный подъем, который пока не демонстрирует признаков начала затухания. Последнее можно связывать как с потенциалом импортозамещения, так и с перспективами дальнейшего увеличения экспорта продукции.

Таким образом, на первой фазе трансформации российская экономика адаптировалась к рыночным отношениям и вошла в структуру мировых хозяйственных связей, получив соответствующие бонусы и понеся издержки. После завершения этой адаптационной стадии стали отчетливо проявляться позитивные эффекты, обусловленные состоявшимся внедрением рыночных отношений. Эффект дезорганизации сменился восстановлением хозяйственных связей, т.е. реорганизацией, начался процесс импортозамещения. Между началом рыночных реформ и их видимыми позитивными результатами прошло значительное время. Переход к новому равновесию, признаком завершения которого можно считать «новую нормальность», занял два десятилетия.

Рост в обрабатывающих производствах происходил за счет увеличения объемов выпуска востребованной рынком продукции в условиях жесткой конкуренции с продукцией зарубежных производителей, индикатором чего можно считать начавшийся процесс импортозамещения. По этой причине объемы производства конца переходного периода не вполне корректно сопоставлять с объемами производства начала трансформационного спада, которые были «раздуты» за счет производства продукции, переставшей пользоваться спросом в связи с переходом к рынку. Соответственно, незначительные изменения ВВП в постоянных ценах за все время реформ скрывают то обстоятельство, что в конце этого периода с меньшими затратами ресурсов производилась востребованная рынком продукция в целом более высокого качества и более широкой номенклатуры.

1.3. Вызовы «новой нормальности»

В силу сказанного выше потенциал восстановительного подъема в российской экономике представляется в основном исчерпанным, как и связанный с ним потенциал трансформационных бонусов. Поэтому источники экономического роста и повышения благосостояния на обозримую перспективу следует связывать с действием существенно иных факторов.

На протяжении последних трех десятилетий в обсуждениях перспектив российской экономики закономерно доминировала антикризисная повестка. Сначала обсуждалось, как остановить трансформационный спад, затем — как поддержать восстановительный подъем, и все время — как снизить темпы инфляции. На данный момент в связи с преодолением последствий вызовов переходного процесса и его затуханием антикризисная повестка в первом приближении исчерпана. Соответственно, перспективы российской экономики необходимо обсуждать, опираясь на иные соображения.

Основным лейтмотивом новой повестки является обеспечение приемлемых темпов экономического роста и повышения благосостояния. Вопросы борьбы с инфляцией постепенно отходят на второй план. Этими чертами данная повестка напоминает ту, которая стала актуальной в 1980-е годы и вызвала к жизни политику «ускорения». Существенное отличие от ситуации накануне начала процесса трансформации состоит в том, что российская экономика перешла на рыночные принципы хозяйствования, исправила основные структурные диспропорции и вошла в систему мировых хозяйственных связей.

Таким образом, в связи с завершением переходного периода естественно ожидать смены вех экономической политики. Поскольку в основных чертах она определяется реакцией на вызовы, представляется уместным рассмотреть некоторые из них.

Один из вызовов, обусловленный завершением эпохи «бури и натиска», состоит в возрастании спроса на качество институтов. Благодаря потенциалу восстановительного подъема и повышению мировых цен на нефть интенсивный экономический рост в нулевые годы был возможен при несовершенных институтах. Сейчас потенциал этих факторов исчерпан. В экономике уже нет той «подъемной силы», которая обеспечивала экономический рост в межкризисное десятилетие. Следовательно, большую важность приобретают факторы, которыми прежде было позволено

тельно пренебречь. Каркас и стены здания рыночной экономики построены. Предстоят «отделочные работы», т.е. длительная кропотливая деятельность по тонкой настройке институтов.

Еще один вызов ближайших лет — необходимость адаптации экономики к низким темпам инфляции. В частности, неизбежна адаптация банковского сектора. В этом секторе предстоит добиться значительного снижения издержек, т.е. повышения производительности. Расширение объемов кредитования в результате снижения процентных ставок будет способствовать компенсации снижения доходов банков за счет сокращения маржи.

Другой вызов для финансового сектора состоит в следующем. На протяжении длительного времени в российской экономике (как и в других переходных экономиках) наблюдалась тенденция интенсивного укрепления реального обменного курса рубля, изначально многократно заниженного¹⁰. Во время кризисов происходил «откат», но в целом тенденция прослеживалась весьма четко. Наличие такой тенденции делало для российских компаний более выгодными заимствования на глобальном финансовом рынке (несмотря на курсовые риски), поскольку за счет укрепления реального обменного курса рубля сумма кредита заметно обесценивалась. Это ставило отечественный финансовый рынок в заведомо неравные условия с внешними рынками. В последние годы произошло, во-первых, исчерпание в первом приближении потенциала укрепления реального обменного курса рубля, и, во-вторых, снижение инфляционных рисков в связи со снижением темпов инфляции (чем ниже темпы инфляции, тем они более стабильны). Все это улучшает конкурентные позиции российского финансового рынка и создает предпосылки для его значительного развития. К этому также подталкивают и санкции. В силу сказанного естественно ожидать значительного прогресса в развитии российского банковского сектора в обозримой перспективе.

Вызовом является и усиление зависимости российской экономики от конъюнктуры мировых рынков (в первую очередь сырьевых) в связи с вхождением в структуру мировых хозяйственных связей. С одной стороны, это вхождение привело к переводу благосостояния на существенно более высокий уровень, а с другой — сделало его динамику значительно более волатильной. Следствием этого, в частности, стало глубокое снижение благосо-

¹⁰ См., например: [Бессонов, 2005].

стояния во время последнего кризиса (ср. рис. 1.3, 1.4 с рис. 1.1). При анализе экономической динамики необходимо учитывать краткосрочный характер соответствующих флуктуаций и отделять их от влияния более долгосрочных факторов. Значительная зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры требует и далее использовать механизмы смягчения последствий внешних шоков для динамики благосостояния, такие как накопление резервов в периоды благоприятной конъюнктуры. В силу уникальной наделенности России природными ресурсами энергоносители, сырье и продукция первых переделов в обозримой перспективе будут составлять значительную долю в стоимостной структуре экспорта, в силу чего данный вызов имеет долгосрочный характер.

В целом представляется неизбежным постепенный переход к все более тонким, точечным, дифференцированным мерам экономической политики. Разумеется, должен быть принят ряд важных решений на макроуровне (связанных с пенсионной реформой, бюджетным маневром и т.п.), но «центр тяжести» принимаемых решений будет постепенно смещаться в сторону тонкой настройки. Это, в частности, требует более высокого уровня понимания происходящего в экономике, что формирует повышенный спрос на качественную социально-экономическую статистику и аналитику.

Большое число подобных мер обсуждается в докладе «Структурные изменения в российской экономике и структурная политика» [НИУ ВШЭ, 2018]. Ниже укажем лишь на некоторые из них.

В какой-то степени экономический подъем в обозримой перспективе может поддерживаться процессом импортозамещения, т.е. можно ожидать продолжения исправления диспропорции (избыточного присутствия импортных товаров на внутреннем рынке), сформировавшейся в переходный период. Восстановление производства соответствующих видов продукции, в том числе с помощью мер экономического стимулирования и защиты от недобросовестной конкуренции, способствовало бы не только сохранению отечественных традиций производства качественной продукции, но и решению проблем преодоления существенных различий в уровнях экономического развития регионов. Поддержка таких производств позволит сочетать развитие высоких технологий с обеспечением рациональной занятости. Это актуально в контексте минимизации издержек низкой территориаль-

ной мобильности рабочей силы (наличие удаленных регионов, моногородов и т.п.).

В связи с этим уместно заметить, что развитие экспорта и импортозамещение с целью ликвидации очевидных перекосов, возникших на этапе трансформации, не являются альтернативами. Эти процессы могут развиваться одновременно. Причем импортозамещение с целью исправления перекосов обладает тем преимуществом, что на определенные товары и услуги в российской экономике уже существует платежеспособный спрос. Развитие же экспорта требует поиска соответствующих рыночных ниш.

Можно ожидать продолжения подъема сельского хозяйства, выхода на полное обеспечение отечественными продуктами питания и продолжения роста экспорта продукции. Экономический подъем в развивающихся странах (в первую очередь азиатских) создает предпосылки значительного увеличения экспорта.

Говоря о перспективах изменения благосостояния, необходимо иметь в виду, что оно определяется не только потоками (скажем, денежными доходами населения), но и запасами. К последним относятся площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя, показатели качества жилья, наличие предметов длительного пользования (включая легковые автомобили) в домашних хозяйствах, состояние социальной и транспортной инфраструктуры, показатели человеческого капитала и т.п. Состоявшийся переход к рыночным отношениям создал условия для дальнейшего роста такого рода запасов, и в этом смысле он продолжает оказывать позитивное влияние на динамику благосостояния даже в периоды снижения выпуска и потоковых показателей благосостояния. После завершения восстановительного подъема и начала в 2014 г. очередного кризиса показатели запасов, в отличие от потоковых показателей, по-прежнему демонстрируют уверенный рост. В качестве примеров созданных в результате перехода к рынку механизмов повышения благосостояния укажем на развитие ипотечного кредитования (которое переживает пока еще раннюю стадию своего развития и потенциал которого далеко не исчерпан) и предоставление рыночных образовательных и медицинских услуг, способствующих накоплению человеческого капитала.

В связи с задачей выработки мер социально-экономической политики необходимо обратить внимание и на ограничения со стороны российской статистики. Это связано, в частности, с

тем, что технологический прогресс приводит к снижению степени репрезентативности традиционных макроэкономических показателей. Современные методы количественного описания экономики на макроуровне сложились десятилетия назад. Они неплохо справлялись с описанием экономики на той стадии технологического развития, на которой она находилась во времена их разработки. Это — экономика индустриальной фазы развития, ориентированная на массовое производство традиционных товаров и услуг, т.е. экономика угля, стали, нефти, газа, автомобилей, традиционной торговли и т.п.

Соответствующие товары и услуги производятся и в настоящее время, и они по-прежнему хорошо видны через призму современной статистики. Однако за прошедшие десятилетия произошло значительное развитие технологий, прежде всего информационных. Возникла новая экономика — экономика высокотехнологических товаров и услуг. Возможности, которые она принесла, существенно повлияли как на производство, так и на потребление. Вместе с тем эта экономика плохо поддается измерению традиционными методами¹¹.

Предоставляемые новой экономикой ранее не существовавшие высокотехнологичные товары и услуги, улучшая благосостояние, снижая издержки, уменьшая нагрузку на экологию и имея другие позитивные последствия, в то же время могут не оказывать заметного влияния на традиционные показатели производства, такие как ВВП, или даже способствовать их снижению. Одна из причин состоит в том, что продукция новой экономики характеризуется интенсивными изменениями качества, которые далеко не в полной мере учитываются обычными индексами цен. В результате может оказаться, что объемы производства этой продукции увеличиваются значительно более высокими темпами, а относительные цены демонстрируют гораздо более быстрое снижение, чем это показывают традиционные статистические показатели.

Фокус российской статистики смещен в сторону производства товаров и услуг индустриальной фазы экономического развития. Поэтому, вне зависимости от происходящего в российской экономике, анализ статистических показателей может приводить к выводам о ее сырьевом характере, о «нефтяной игле», о ресурсном проклятии и т.п.

¹¹ Подробнее см.: [Бессонов и др., 2011].

2. Экономические итоги последних лет

2.1. Экономическая динамика

В 2017 г. российская экономика вышла из двухлетней рецессии, спровоцированной негативными шоками 2014 г. По предварительной оценке Росстата, ВВП вырос на 1,5%, компенсировав чуть больше половины предшествующего падения. Этот темп представляется достаточно скромным, чему есть несколько объяснений.

Во-первых, как уже было сказано, к началу 2010-х годов в российской экономике завершился период восстановления после трансформационного спада 1990-х годов, и затем экономика перешла в фазу затухания роста и формирования «новой нормальности», характеризующейся умеренными долгосрочными темпами. Во-вторых, политика бюджетной консолидации и инфляционного таргетирования, формируя необходимые условия макроэкономической стабильности, в краткосрочном плане ограничивала динамику внутреннего спроса на фоне роста среднегодовой цены на нефть Urals в 2017 г. на 26% (с 42 до 53 долл./барр.). В-третьих, сдерживающее влияние на экономику оказывало ограничение трансграничных потоков товаров, капиталов и технологий в связи с действием санкций и контрсанкций. В-четвертых, несмотря на сформировавшиеся в целом в России рыночные механизмы, их действие, как и прежде, было ослаблено структурными факторами, связанными с монополизмом и рентным характером экономики, а также высокими рисками ведения предпринимательской деятельности.

Замедление темпов роста ВВП закрепляет положение России как страны со «средним доходом»¹², близким к уровню стран Центральной и Восточной Европы, также прошедших по траектории транзита от плановой к рыночной экономике (рис. 2.1). Сохранение в дальнейшем этих темпов не позволяет рассчитывать на сближение в перспективе с показателями развитых стран, находящихся на технологической границе, и содержит риск рано или поздно остаться позади активно растущих развивающихся стран (рис. 2.2).

Подводя итоги 2017 г., нужно отметить очень медленное восстановление показателей уровня жизни населения, масштабы

¹² Измеренным в терминах ВВП по ППС.

Тыс. междунар. долл.

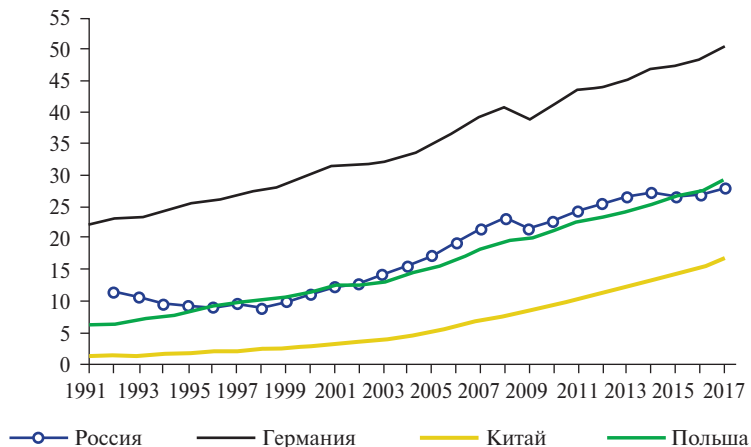

Рис. 2.1. ВВП по ППС на душу населения, тыс. международных долл.

Источник: МВФ.

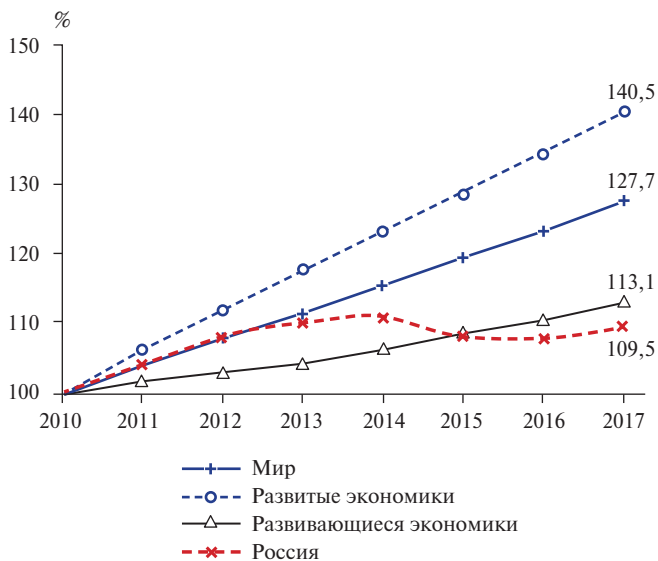

Рис. 2.2. Динамика ВВП, 2010 г. = 100%

Источники: Росстат; МВФ.

падения которых в 2014–2016 гг. существенно превысили потери в уровне реального ВВП (рис. 2.4). При этом динамика доходов отдельных групп населения способствовала сохранению высокой степени неравенства — как в развивающихся странах с более низкими уровнями среднедушевого ВВП (рис. 2.3). Учитывая преобладание вклада региона проживания по сравнению с индивидуальными различиями¹³ и высокий вклад отраслевого фактора (несмотря на снижение его значимости по сравнению с серединой 2000-х годов)¹⁴, это неравенство продолжает восприниматься населением как несправедливое и демотивирующее, а значит, оказывает в целом негативное воздействие на экономический рост.

2.2. Макроэкономическая среда

Очевидным достижением экономической политики 2016–2017 гг. стало снижение инфляции до 2,5%, т.е. ниже цели, поставленной Центральным банком (рис. 2.6). Хотя процесс постепенного снижения инфляции продолжается более двух десятилетий — с середины 1990-х годов, она впервые приблизилась к уровням, характерным для стран со стабильной макроэкономической средой (рис. 2.5). Поддержание при этом положительных реальных процентных ставок усиливает рыночные стимулы для инвестиций, однако для устойчивого оживления инвестиционной активности одного только снижения инфляции недостаточно. Рост инвестиций в 2017 г. был крайне неравномерным в отраслевом разрезе, а пиковые значения, достигнутые во II и IV кварталах, во многом объяснялись динамикой отдельных инфраструктурных проектов (Крымский мост, завершение объектов к Чемпионату мира по футболу 2018 г.).

С 2017 г. влияние изменения цен на нефть на динамику внутреннего спроса и курса рубля ограничено действием временного бюджетного правила, предполагающего сбережение нефтегазовых доходов при цене свыше базовой (40 долл./барр. в ценах 2016 г.). Несмотря на рост цен на нефть в 2017 г. по сравнению с 2016 г., расходы федерального бюджета в этот период не изменились в номинальном выражении, т.е. в реальном выражении сократились, что внесло краткосрочный отрицательный вклад в рост ВВП

¹³ См.: [Овчарова, Попова, Рудберг, 2016].

¹⁴ См.: [Гимпельсон, 2016].

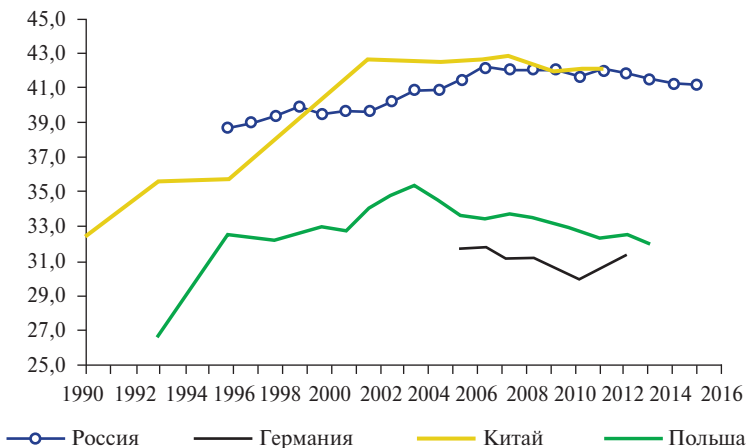

Рис. 2.3. Индекс концентрации доходов населения (коэффициент Джини), 0–100

Источники: Всемирный банк; Росстат; расчеты НИУ ВШЭ.

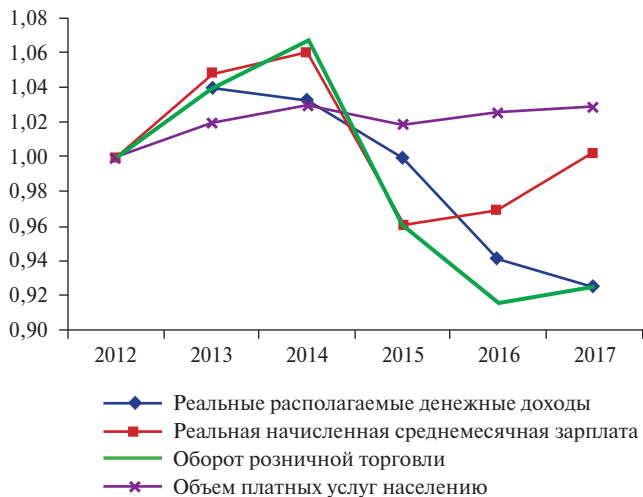

Рис. 2.4. Основные показатели динамики уровня жизни населения, 2012 г. = 1

Источник: Росстат.

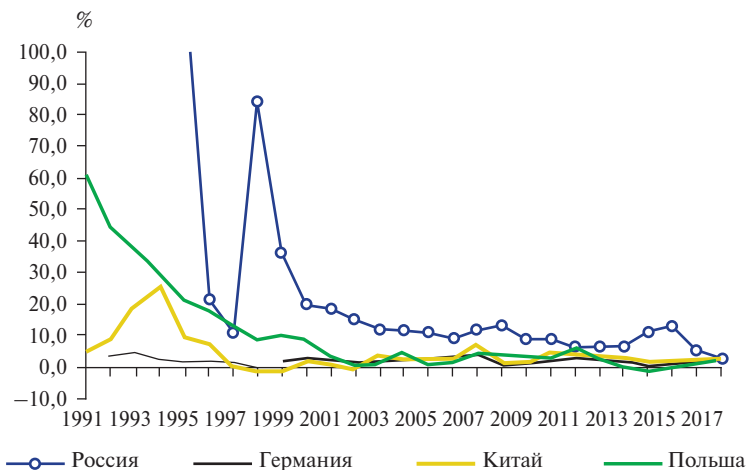

Рис. 2.5. Индекс потребительских цен, % за год

Источники: МВФ; Росстат.

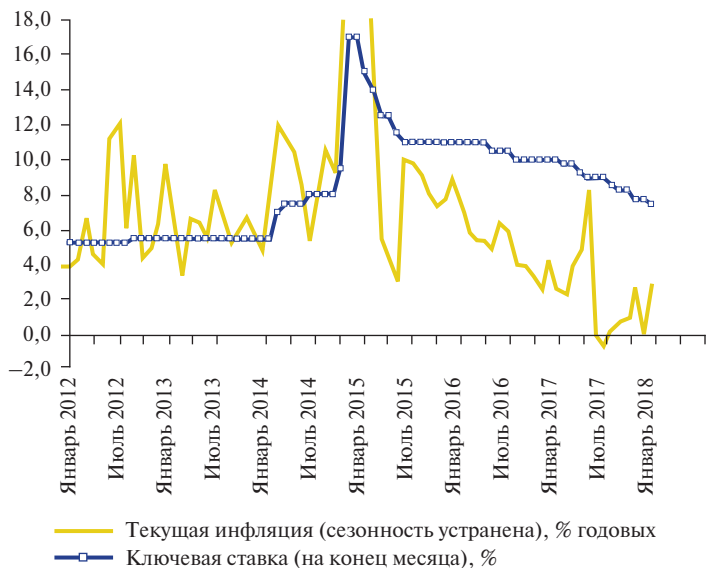

Рис. 2.6. Месячные индексы потребительских цен (аннуализированные) и ключевая ставка ЦБ РФ

Источники: ЦБ РФ; Росстат.

(рис. 2.7). Более важным следствием жесткой бюджетной политики, чем краткосрочное ограничение темпов роста (которое будет преодолено после завершения процесса консолидации), стало структурное ограничение на объем производительных расходов бюджетной системы на инфраструктуру, фундаментальную науку и человеческий капитал. Сокращение в реальном выражении расходов на образование в 2017 г. по сравнению с максимумом, достигнутым в 2013 г., составило 18% (рис. 2.8).

2.3. Рыночные механизмы

Хотя к окончанию периода трансформации формирование рыночных механизмов в России в целом завершилось, в 2017–2018 гг. международные рейтинги продолжали фиксировать в России относительно низкие показатели экономической свободы и конкуренции. В рейтинге экономической свободы Фонда Херитэдж Россия заняла 107-е место¹⁵. В рэнкинге конкурентоспособности Всемирного экономического форума по показателю «Интенсивность внутренней конкуренции» Россия находилась на 72-м месте, а по показателю «Эффективность антимонопольной политики» — на 83-м месте¹⁶. Очевидна связь монополизации с высоким уровнем огосударствления экономики.

Согласно данным, приведенным в докладе Центра стратегических разработок¹⁷, средняя доля выручки компаний, контролируемых государством, в выручке 100 крупнейших компаний составляет 39,8%, а в отдельных отраслях превышает 70%. Усиление концентрации и рост контроля государства можно проиллюстрировать и на примере процессов, происходящих в банковском секторе. За 2016–2017 гг. увеличилась доля банков с государственным участием в активах банковской системы, а также в составе крупнейших системообразующих банков. Процедуры санации, проводимые в частных банках с целью восстановления их устойчивости, постепенно превратились в механизм огосударствления в банковском секторе¹⁸. Ярким примером огосударствления также

¹⁵ <https://www.heritage.org/index/pdf/2018/book/index_2018.pdf>.

¹⁶ <<http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf>>.

¹⁷ См.: [ЦСР, 2018].

¹⁸ Показателен случай Промсвязьбанка, который предполагается после санации сделать опорным банком для финансирования Гособоронзаказа.

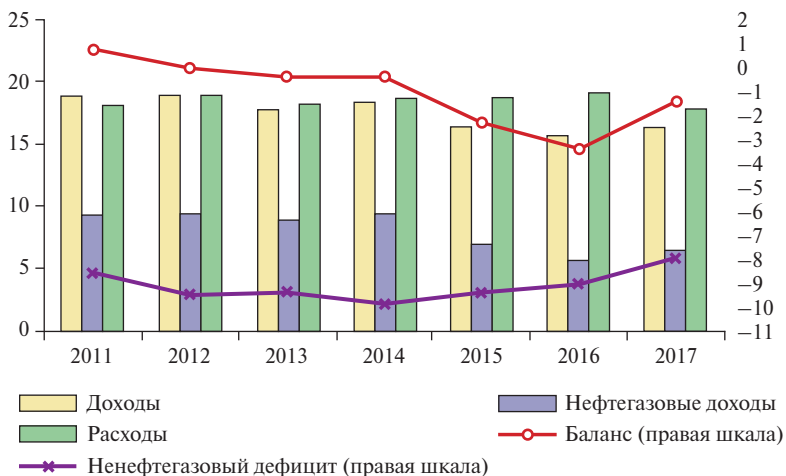

Рис. 2.7. Доходы, расходы, баланс, нефтегазовый дефицит федерального бюджета, % к ВВП

Источники: Минфин России; Росстат; расчеты авторов.

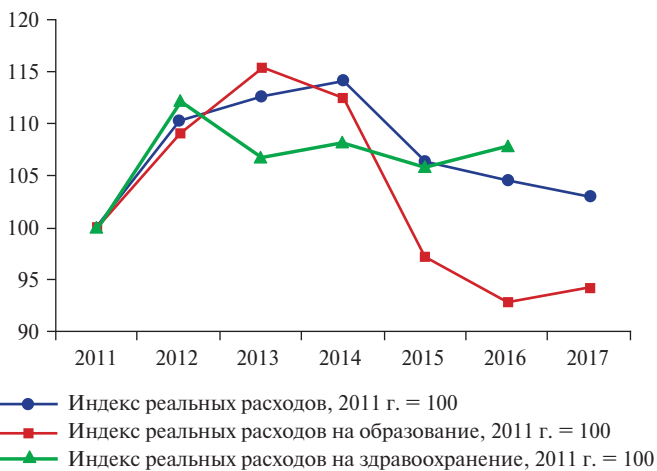

Рис. 2.8. Динамика расходов бюджетной системы в реальном выражении, 2011 г. = 100

Источники: Минфин России; Росстат; расчеты авторов.

является состоявшаяся в феврале 2018 г. сделка по приобретению банком ВТБ 29% акций розничной торговой сети «Магнит»¹⁹.

На другом полюсе от компаний, контролируемых государством, находится масштабный неформальный сектор. По данным Росстата, доля занятых в неформальном секторе составляет не менее 20%. Доклад МВФ²⁰, опубликованный в январе 2018 г., оценивает долю теневой экономики в России в 2016 г. в 33,7% ВВП (за 10 лет она практически не изменилась), что соответствует среднемировому уровню, но существенно выше показателей, характерных для европейских стран²¹. Как будет показано ниже, неформальность в российской экономике является важным механизмом, способствующим сохранению рыночных предприятий в условиях неблагоприятной конъюнктуры.

Инерционные прогнозы экспертов в сфере макроэкономического прогнозирования показывают, что при сохранении в перспективе институциональной среды и структуры российской экономики темпы роста ВВП будут составлять 1,5–2%²². При этом в среднесрочном периоде колебания вокруг этого уровня могут быть связаны с влиянием динамики нефтяных цен, а также изменений в бюджетной и денежно-кредитной политике.

3. Структурное наследие трансформации²³

В докладе 2016 г.²⁴ авторы описали политэкономические аспекты трансформации от плановой к рыночной экономике, которую испытала Россия в период с начала 1990-х годов. Было показано, что в процессе этих изменений в России сформировалась своеобразная трехсекторная модель экономики, в рамках

¹⁹ <<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/02/16/751222-galitskii-prodaet-aktsii-magnita-vtb>>.

²⁰ См.: [Medina, Schneider, 2018].

²¹ Росстат оценивает долю теневой экономики в России в 15–16% ВВП: <<https://gia.ru/economy/20180227/1515368247.html>>.

²² См., например, Консенсус-прогноз Института «Центр развития» НИУ ВШЭ: <<https://dcenter.hse.ru/data/2018/02/26/1165186992/Cf-18-Q1.pdf>>.

²³ Данный раздел основан на результатах исследования «Структурные изменения в российской экономике и структурная политика» (см.: [НИУ ВШЭ, 2018, разд. 3]).

²⁴ См.: [Акиндинова, Кузьминов, Ясин, 2016].

которой тесно переплетены перераспределительные и рыночные отношения. В ней установилось так называемое «плохое равновесие», когда для всех экономических агентов оказывается выгоднее сохранять сложившиеся модели поведения, чем изменять их в пользу более эффективных с точки зрения общественного блага. С одной стороны, функционирование этой модели опирается на потоки рентных доходов, образующихся в сырьевом секторе экономики, и их перераспределение в другие сектора по бюджетным и небюджетным каналам. С другой стороны, в этой экономике достаточно велика роль рыночных отношений, наиболее эффективно развивающихся в секторах, у которых нет доступа к нефтегазовой ренте и бюджетным инвестициям.

В результате анализа были *выделены три макросектора* (не считая бюджетного), имеющих различный уровень рентабельности, различные взаимоотношения с государством и доступ к рентным доходам, различные механизмы адаптации к изменению внешних условий. Это Сырьевой бизнес (СБ), Крупный несырьевой бизнес (КНБ) и Малый и средний бизнес (МСБ). Несмотря на то что границы этих секторов не вполне совпадают с границами видов экономической деятельности, каждый вид деятельности был условно отнесен к одному из макросекторов, исходя из преобладающей в нем финансовой модели²⁵.

Характерной чертой СБ является высокая доходность (около 20%) при низкой внутренней эффективности. У КНБ более низкая доходность (9–11%) компенсируется доступом к бюджетным ресурсам (субсидии, госинвестиции). У МСБ еще более низкая «официальная» доходность (5–6%) компенсируется высокой долей скрытой оплаты труда, не облагаемой налогами.

Авторы предположили, что триггером трансформации трехсекторной экономической модели в более эффективную и рыночную станет постепенное исчерпание источников ренты и сближение показателей доходности в разных макросекторах, которое будет способствовать затуханию рентоориентированного поведения и развитию стимулов к производительной активности. Это будет проявляться в росте частных инвестиций и производительности труда в несырьевых макросекторах; в уменьшении зависимости предприятий от госзаказа, субсидий; в сокращении сверхналоговых изъятий и «принудительной» благотворительности²⁶.

²⁵ См.: [Акиндинова, Кузьминов, Ясин, 2016].

²⁶ См.: Там же.

В течение периода затухания экономического роста произошли два события, радикально изменившие условия существования макросекторов. Это, с одной стороны, снижение цен на нефть с уровней 100–115 долл./барр., характерных для 2012 г. — первого полугодия 2014 г., до 40–60 долл./барр. во втором полугодии 2014 г. — 2017 г. С другой стороны, введение жесткого бюджетного правила, ограничившего поступление нефтегазовых доходов в экономику. В рамках доклада [НИУ ВШЭ, 2018] был проведен комплекс исследований реакции макросекторов на изменение внешних условий с целью определить, в какой мере влияние последних стимулирует изменение поведения и финансовой модели функционирования макросекторов.

3.1. Сырьевой бизнес

Оказалось, что, несмотря на негативное влияние падения цен на нефть в 2014–2016 гг., доля прибыли в структуре добавленной стоимости СБ увеличилась (табл. 3.1). Одним из объяснений является положительное влияние роста курса доллара на рублевый объем валютной выручки, другим — снижение абсолютной и относительной налоговой нагрузки на СБ. Все это обеспечило условия для роста в этом макросекторе нормы инвестиций.

На фоне выдающихся финансовых показателей совокупная факторная производительность в СБ непрерывно снижалась с середины 2000-х годов (рис. 3.1). Характерная для него низкая доля оплаты труда в добавленной стоимости сочеталась с заметным спросом на сотрудников с высшим образованием и высоким относительным уровнем отдачи от последнего. С учетом того, что в 2016 г. средняя зарплата в добывающем секторе была вдвое выше средней по экономике, абсолютный размер зарплатной премии также оказался очень велик. Однако, учитывая плохую динамику совокупной факторной производительности, можно предположить, что отдача от человеческого капитала (так же как и отдача от других ресурсов) в СБ носила преимущественно рентный характер.

В период снижения цен на нефть в 2014–2016 гг. эта ситуация в целом осталась прежней. Радикальное изменение условий торговли за эти три года не привело ни к снижению концентрации ресурсов в Сырьевом бизнесе, ни к росту его внутренней эффективности. Монопольное положение ключевых предприятий этого сектора способствует сохранению их контроля над рентой и высокой доходности, что, в свою очередь, поддерживает рентоориентированное поведение в несырьевых секторах экономики.

Таблица 3.1. Характеристики СБ и КНБ и их реакция на изменение внешних условий*

	Сырьевой бизнес (в 2016 г. — 9,5% ВДС, 1,6% занятых)	Крупный несырьевой бизнес (в 2016 г. — 35,5% ВДС, 36,0% занятых)				Финансовая деятельность
	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение э/э, газа и воды	Строительство	Транспорт и связь	
Доля налогов** в ВДС (2011–2016)***	Высокая/упала с 46 до 27%	Средняя/стабильная (14–17%)	Средняя/выросла с 13 до 18%	Средняя/стабильная (10–11%)	Низкая/упала с 11 до 8%	Низкая/стабильная (7–9%)
Доля скрытой зарплаты в ВДС**** (2011–2016)***	Практически нет (0,2–0,3%)	Низкая (3–6%)	Нет (0%)	Средняя (9–13%)	Низкая (6–7%)	Практически нет (0,6–1%)
Реакция на кризис 2014–2015 гг.*** (изменение с 2013 по 2016 г.)	Рост доли прибыли***** с 46,5 до 60% ВДС за счет снижения доли налогов.	Рост доли прибыли с 41,2 до 45,5% ВДС за счет снижения доли оплаты труда.	Сохранение пропорций между оплатой труда и прибылью.	Рост скрытой оплаты труда, снижение доли прибыли с 46 до 40%.	Рост доли прибыли с 45 до 46,5% за счет снижения доли оплаты труда.	Рост доли прибыли с 51 до 55% за счет снижения доли оплаты труда.
	Рост нормы инвестиций с 18 до 29% ВДС	Снижение нормы инвестиций с 23,5 до 20%	Снижение нормы инвестиций с 61 до 39%	Сохранение норм инвестций (9–10%)	Снижение нормы инвестиций с 60 до 42%	Сохранение низкой нормы инвестиций 6%

* Хотя, помимо добычи полезных ископаемых, в состав СБ нужно включать нефтепереработку, оптовую торговлю топливом и его транспортировку, использование для анализа показателей национальных счетов не позволит обеспечить такой уровень детализации. На наш взгляд, с учетом того, что основной объем прибыли СБ в последние годы отражается в показателях добывающей отрасли, это является допустимым упрощением.

** Сумма чистых налогов на производство и чистых налогов на продукты, относящихся к соответствующему виду деятельности.

*** Расчеты по данным статистики национальных счетов (выполнены А.Г. Назаровой).

**** Скрытые заработки, в соответствии с методологией Росстата, включают скрытую оплату труда наемных работников и смешанные доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами.

Номинальные объемы скрытых заработков (по видам экономической деятельности) полученные расчетным путем, исходя из до-счета ВДС на скрытое производство (по данным Росстата о структуре корректировки добавленной стоимости отраслей на теневые операции юридических лиц, операции неформального сектора экономики и производств домашних хозяйств для собственного конечного использования) и условно принятой типологии о распределении общего объема скрытых доходов экономики (оцененного Росстатом по 2016 г. включительно) идентично отраслевой структуре досчета ВДС на скрытое производство по экономике в целом. Для 2011–2015 гг. расчеты скрытого заработка по отраслям выполнены с использованием данных статистического сборника «Национальные счета России в 2011–2016 годах» (табл. 2.5.35–2.5.39), опубликованного Росстатом в августе 2017 г. (<http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_15/Main.htm>). Для 2016 г. доли, корректирующие ВДС отраслей на операции, не наблюдаемые прямыми статистическими методами, сохранены на уровне отчета 2015 г. в связи с двухлетним временным лагом в официальной публикации показателя.

***** Здесь и далее валовая прибыль и валовой смешанный доход.

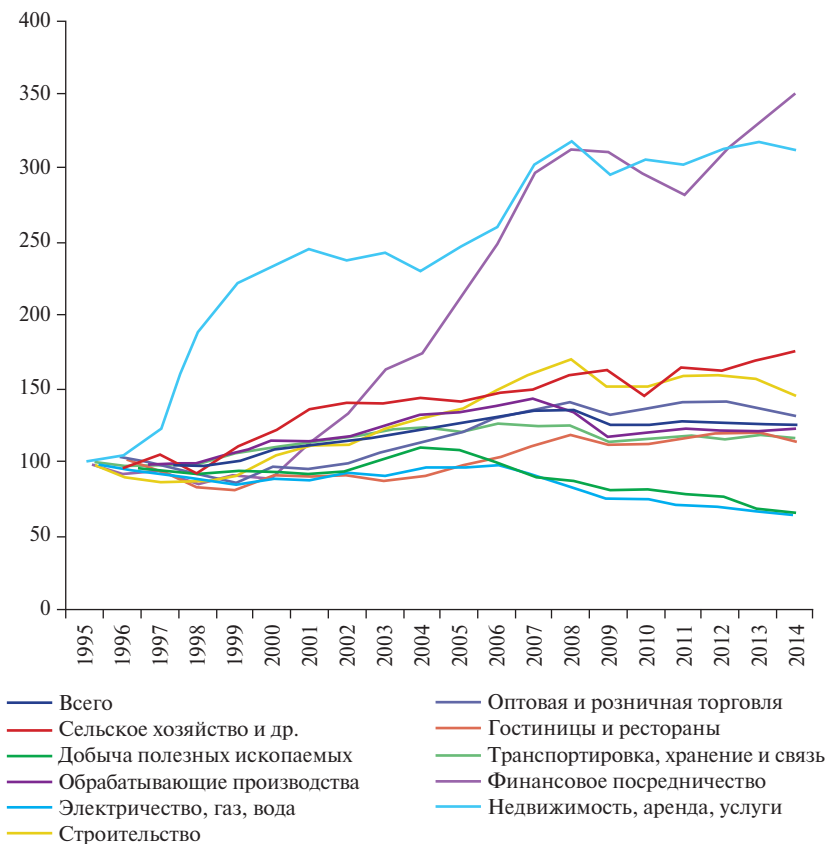

Рис. 3.1. Динамика совокупной факторной производительности в отраслях экономики, 1995 г. = 100

Источник: Russia KLEMS.

3.2. Крупный несырьевой бизнес

Для видов экономической деятельности, которые мы объединили в макросектор КНБ, характерны иные тенденции (табл. 3.1). В его структуре преобладают «старые», или «традиционные», предприятия, частью находящиеся под контролем государства, частью имеющие доступ к бюджетным ресурсам через механизмы госзаказа, субсидий и государственных инвестиций. Предприятия этого макросектора являются крупными работодателями, выпла-

чивающими в основном «белую» зарплату. Три из пяти отраслей, которые мы к нему отнесли, с 2013 по 2016 г. получили возможность нарастить долю прибыли за счет экономии на фонде оплаты труда (две — за счет сокращения численности рабочих мест). Однако, в отличие от СБ, ни в одной из них это не сопровождалось увеличением нормы инвестиций.

Прекращение роста или даже падение совокупной факторной производительности показывает, что предприятия не могут добиться повышения внутренней эффективности, даже если они сокращают издержки на труд. Кроме того, низкая инвестиционная привлекательность этого сектора, по крайней мере отчасти, связана со сложившимися в 2014–2016 гг. негативными тенденциями в динамике потребительского спроса, зависимость от которого выросла в течение последнего десятилетия. Несмотря на отсутствие прямого доступа к нефтегазовой ренте и сокращение объемов ее перераспределения через бюджет в 2014–2016 гг., КНБ продолжает получать доступ к ней опосредованно, через ограничение конкуренции и механизмы бюджетной поддержки. Стимулы к повышению конкурентоспособности продукции и росту продаж на рынке в итоге остаются недостаточными.

3.3. Малый и средний бизнес

Для видов экономической деятельности с преобладанием МСБ характерны в целом более высокий уровень конкуренции и отсутствие доступа к государственной поддержке (исключение — масштабно субсидируемое сельское хозяйство). Высокие риски и небольшая доходность в этом макросекторе компенсируются массовым уходом от налогообложения (табл. 3.2). Среди изменений, произошедших с 2013 по 2016 г., прежде всего нужно отметить рост нормы инвестиций в сфере услуг бизнесу и населению; также следует обратить внимание на сохранение высокой нормы инвестиций в гостиницах и ресторанах, даже на фоне снижения доли прибыли в структуре добавленной стоимости.

Немного лучше выглядит этот сектор и с точки зрения динамики совокупной факторной производительности. Ее снижение после 2008–2009 гг. в данном макросекторе было меньшим, чем в среднем по экономике. Несмотря на ухудшение общих условий функционирования неторгуемых секторов после падения цен на нефть, доля сектора услуг в структуре экономики продолжает расти. Помимо уже перечисленных преимуществ это связано

Таблица 3.2. Характеристики макросектора МСБ и его реакция на изменение внешних условий

	Малый и средний бизнес (в 2016 г. — 38,8% ВДС, 38,8% занятых)			
	Сельское хозяйство**, охота и лесное хозяйство	Оптовая*** и розничная торговля, ремонт а/т средств, мотоциклов, быт. изделий и предметов личного пользования	Гостиницы и рестораны	Операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг
Доля налогов в ВДС (2011–2016)*	Низкая (субсидии)/ стабильная (–3 — –6%)	Низкая/стабильная (11%)	Низкая/стабильная (8–9%)	Низкая/стабильная (5–7%)
Доля скрытой зарплаты (2011–2016)*	Высокая (36–47%)	Средняя (7–9%)	Средняя (8–13%)	Высокая (35–40%)
Реакция на кризис 2014–2015 гг.* (изменение с 2013 по 2016 г.)	Рост доли прибыли с 34 до 46% ВДС за счет снижения скрытой зарплаты. Снижение нормы инвестиций с 24,5 до 18%	Снижение доли прибыли с 54 до 51% на фоне повышения доли оплаты труда. Сохранение низкой нормы инвестиций (4–4,5%)	Снижение доли прибыли с 45 до 38% на фоне повышения доли оплаты труда. Сохранение нормы инвестиций (14–16%) несмотря на снижение прибыли	Снижение доли прибыли с 36 до 32% на фоне повышения доли оплаты труда. Рост нормы инвестиций с 18 до 21% даже без увеличения прибыли

* Расчеты по данным статистики национальных счетов (выполнены А.Г. Назаровой).

** Сельское хозяйство включает как крупные холдинги, так и небольшие предприятия и личные подсобные хозяйства.

*** Торговлю можно лишь частично отнести к сектору малых и средних предприятий, большой вклад вносит оптовая торговля топливом, которую следовало бы отнести к сырьевому бизнесу, однако имеющаяся статистика национальных счетов не позволяет выделить ее отдельные компоненты.

с меньшими барьерами для проникновения новых технологий, чем у традиционных производств, и более конкурентной средой. При этом важно, что в сфере услуг бизнесу и населению, относящейся к сектору МСБ, наблюдается высокий спрос на высшее образование и высокая отдача от высшего образования (рис. 3.2). Таким образом, перспектива получения высокой зарплаты (пусть и не облагаемой налогом) позволяет сохранять в стране рабочие места для людей с высшим образованием, которые иначе могли бы рассматривать эмиграцию как одну из возможных стратегий.

Из проведенного анализа следует вывод, что трансформация трехсекторной модели, несмотря на сильное изменение внешних условий, происходит крайне медленно. Чтобы ускорить этот процесс, нужны дополнительные усилия со стороны государства.

1. Ключевым направлением политики по отношению к СБ является *борьба с монополизмом и избыточной концентрацией*, которые наряду с доступностью рентных сверхдоходов не способствуют повышению внутренней эффективности этого сектора. Нужно учитывать, что сохранение повышенной рентабельности в этом секторе даже после кардинального снижения цен на нефть остается отрицательным стимулом для производственной активности в других секторах экономики и тем самым консервирует сырьевую рентоориентированную модель. Чтобы сократить это влияние, нужно настаивать на изъятии в бюджет большей части прибыли нефтегазовых компаний с госучастием, отказаться от предоставления необоснованных льгот отдельным компаниям данного сектора.
2. Для сектора КНБ ключевой является политика, направленная на *повышение конкурентоспособности и рост продаж продукции на внутреннем и внешнем рынках с постепенным выходом из режима государственной поддержки*. Вместе с тем следует с осторожностью относиться к целям экономической политики, формулируемым в терминах повышения производительности труда. Как показывает прошлый опыт России, рост производительности труда, если он достигается за счет снижения численности занятых, может сопровождаться снижением выпуска и благосостояния, и наоборот. На микроуровне программа повышения производительности может стать средством повышения конкурентоспособности, однако нужно учитывать, что основной целью деятельности предприятия является не рост производительности и выпуска, а повышение продаж и прибыли.

Рис. 3.2. Оценка распределения оплаты труда (в счете ВДС с учетом скрытой зарплаты) по уровням образования и по видам экономической деятельности в 2016 г., %

Источник: Расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ²⁷.

²⁷ Расчеты выполнены С.Г. Мисихиной. Структура заработных плат по видам экономической деятельности и уровням образования получена на основании агрегирования данных выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах Росстата. Уровень представительности результатов — в целом по Российской Федерации, городским и сельским поселениям с различной численностью населения, по отдельным социально-демографическим группам населения. База данных обследования за 2012–2016 гг. находится на сайте Росстата «Итоги федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам» (<http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm>).

3. Что касается сектора МСБ, следует заметить, что интенсивная *борьба с теневыми зарплатами* в нынешней ситуации *не является действенным механизмом выравнивания конкурентных условий*. Распространение теневой занятости и оплаты труда носит преимущественно отраслевой характер. Так, самые низкие доли теневой оплаты труда в 2016 г. наблюдались в секторах СБ и КНБ. Эти сектора в целом нельзя отнести к наиболее динамичным в экономике из-за большого числа монополий, а также предприятий с долей государственной собственности. Кроме того, они являются основными получателями бюджетных субсидий. Вместе с тем высокая доля теневой оплаты труда в последние годы наблюдалась в укрупненном секторе операций с недвижимостью, аренды и предоставления услуг, который включает ИКТ и другие отрасли новой экономики. Для многих предприятий этого макросектора, относящихся к сфере рыночных услуг, уход «в тень» является единственным способом поддержания экономической активности в условиях вялой динамики спроса и отсутствия доступа к государственным ресурсам. Предпочтительнее иметь программу постепенного снижения теневых зарплат.

Кроме того, проведенный анализ реакции макросекторов на изменение внешних условий показал, что сокращение доли фонда оплаты труда и рост доли прибыли в добавленной стоимости в ряде секторов не привели к росту доли инвестиций (исключение — сырьевой бизнес). С учетом слабых экспортных возможностей несырьевого бизнеса, затянувшийся упадок потребительского спроса сокращает инвестиционную привлекательность как промышленных видов деятельности, так и сферы услуг.

4. Сценарии экономического развития

4.1. Ограничения развития

Демографические изменения, связанные со старением населения и сокращением предложения рабочей силы, будут оказывать ключевое влияние на перспективы развития российской экономики в ближайшие десятилетия. В 2001–2015 гг. численность занятых в России росла в среднем по 0,7% в год: до 2006 г. — благодаря росту численности трудоспособного населения, затем (на фоне начала ее снижения) за счет повышения коэффициентов участия в рабочей силе средних и пожилых возрастов, что обеспечивало

в целом положительный вклад демографии в экономический рост. На горизонте до 2035 г. численность населения в трудоспособном возрасте будет снижаться (средний вариант демографического прогноза Института демографии НИУ ВШЭ), несмотря на то что общая численность населения будет расти вплоть до 2024 г. Это означает, что к 2030-м годам российская экономика потеряет весь выигрыш, полученный за счет роста предложения рабочей силы с начала 2000-х годов, и прямой вклад демографии в экономический рост в предстоящие десятилетия будет отрицательным²⁸.

Еще одним ограничением для экономического развития России в ближайшие годы станет сохранение геополитической напряженности, санкций и контрсанкций, ограничивающих трансграничное движение товаров, капиталов и технологий.

4.2. Консервативный (инерционный) сценарий

В целом консервативный сценарий предполагает сохранение ресурсного характера экономики, продолжение существующих тенденций к росту контроля государства над экономической деятельностью, сокращению внешних связей и импортозамещению.

В консервативном сценарии правительство и Центральный банк будут и далее проводить политику макроэкономической стабилизации, т.е. таргетировать инфляцию и сохранять бюджетное правило с базовой ценой 40 долл./барр. в постоянных ценах. Поскольку такие условия требуют очень жесткой динамики бюджетных расходов, включая ограничение трансфертов региональным бюджетам, в этом сценарии продолжится ползучее повышение налоговой нагрузки. Одним из проявлений такого повышения станет рост налогового давления на индивидуальных предпринимателей и самозанятых, в том числе в рамках борьбы с теневым сектором.

В то же время консервативная политика будет означать дальнейшее оттягивание пенсионной реформы и значимых реформ в сферах образования и здравоохранения. Положение сырьевого бизнеса и крупного несырьевого бизнеса останется достаточно прочным, чтобы обеспечивать льготы нефтегазовому сектору и субсидии крупным предприятиям, в частности, в рамках программ импортозамещения.

Рост в этом сценарии будет опираться преимущественно на увеличение капитала в макросекторах СБ и КНБ (табл. 4.1, 4.2).

²⁸ См.: [Акиндинова, Чекина, Яркин, 2017].

Таблица 4.1. Факторы роста в консервативном (инерционном) сценарии

Труд		Капитал		Совокупная факторная производительность (остаточная, без учета вклада ЧК)
Количество рабочей силы	Качество (человеческий капитал)	Частный	Государственный, в том числе инфраструктурный	
Быстро сокращается, рабочая сила стареет	Стагнирует или постепенно ухудшается из-за низких расходов на образование и здравоохранение	Инвестиции в нефтегазовом секторе и обслуживающих его секторах	Инфраструктурные мегапроекты, оборонный комплекс, проекты импортозамещения	Низкая (почти околонулевая) динамика (продолжение тенденции, сложившейся в 2010-е годы)

4.3. Реформаторский сценарий

Реформаторский сценарий предполагает, что государство будет прикладывать более последовательные усилия для формирования условий перехода к новому равновесию, ориентированному на рыночную, а не на перераспределительную активность, а также обеспечивающему не только увеличение производства, но и рост благосостояния. Этому будут способствовать меры, направленные на снижение сверхналоговой нагрузки на бизнес и снижение рисков ведения предпринимательской деятельности. В то же время реформаторский сценарий предполагает более активную позицию государства в перестройке социальной сферы и отказ от угнетения потребительского спроса.

В реформаторском сценарии правительству и Центральному банку также необходимо продолжать политику, направленную на поддержание устойчивости макроэкономической среды (таргетирование инфляции и бюджетное правило).

Вместе с тем для реализации этого комплекса реформ требуется более гибкий подход к бюджетной политике, в том числе целесообразны умеренное повышение базовой цены (например, до 45 долл./барр. в постоянных ценах), изменение структуры бюджетных расходов в сторону инвестиций в инфраструктуру и человеческий капитал (бюджетный маневр), стабилизация трансфертов региональным бюджетам, развитие их доходной базы и повышение финансовой самостоятельности регионов. Процесс «обеления»

Таблица 4.2. Результаты консервативного (инерционного) сценария

Экономический рост		Благосостояние (уровень жизни населения)		Структура экономики, уровень конкуренции		Отношения с внешним миром		
ВВП	Производительность труда	Реальные доходы населения и потребление	Неравенство	Институциональная структура (макро-сектора)	Отрасли-драйверы	Торговля (экспорт/импорт)	Приток капитала	Обмен знаниями и технологиями
Медленный рост; доля в мировом ВВП сокращается	Инерционная динамика	Стагнация, отставание от динамики инвестиций и экспорта	Высокое, усиливается; рост доходов возможен в отдельных группах	Сохраняется высокая доля сырьевого бизнеса и крупного несырьевого бизнеса с плохой динамикой эффективности, монополизм	Добыча полезных ископаемых и связанные с ней сектора; сельское хозяйство	Динамика экспорта привязана к нефти, газу; традиционный экспорт — металлы, химия, сельхоз. сырье, оборонная продукция	Незначительен из-за ограничений ПИИ и внешних займов	Ограничен, возможен в отдельных точках, а также по сетевым каналам

зарплата следует осуществлять постепенно и нефорсированно, чтобы не подорвать экономику сферы услуг. Пенсионная реформа (повышение возраста и одновременно уровня пенсионного обеспечения) при сложившихся демографических условиях является неизбежной, однако нужно понимать, что она позволит лишь затормозить процесс сокращения рабочей силы, но не переломить его²⁹. Для полноценного задействования фактора человеческого капитала необходима программа повышения качества услуг образования и здравоохранения, ресурсы для которой даст бюджетный маневр, а также постепенное внедрение системы добровольных со- платежей населения за социальные услуги повышенного качества.

Кроме того, в рамках реформаторского сценария потребуются реализация структурной политики, направленной на усиление конкуренции и повышение доли в экономике малого и среднего бизнеса (МСБ). Ее главные направления: демонополизация и развитие конкуренции в сырьевом секторе и секторе крупных предприятий, отмена необоснованных льгот и субсидий; перераспределение мер поддержки в пользу успешных предприятий, производящих конкурентоспособную продукцию, обеспечивающих качественную занятость и ориентированных на рыночный спрос, в частности, на современные потребительские стандарты (в том числе услуг образования, здравоохранения, креативных индустрий); реформа контрольно-надзорной деятельности, улучшающая условия ведения малого и среднего бизнеса.

Наконец, по мере реализации реформаторского сценария будет расти потребность в политике, улучшающей общие институциональные условия: в реформах правоохранительной и судебной системы, развитии местного самоуправления и гражданского общества.

В реформаторском сценарии предполагается привлечение финансовых ресурсов для инвестиций в рыночных несырьевых секторах, при этом основными источниками роста будут увеличение человеческого капитала и повышение эффективности использования ресурсов в экономике (совокупной факторной производительности)³⁰ (табл. 4.3).

Сценарий предполагает подключение к мировым трендам структурных изменений и технологического развития за счет разукрупнения и развития конкуренции на всех уровнях, расширение

²⁹ См.: [Акиндинова, Чекина, Яркин, 2017].

³⁰ См.: Там же.

Таблица 4.3. Факторы роста в реформаторском сценарии

Труд		Капитал		Совокупная факторная производительность (остаточная, без учета вклада ЧК)
Количество рабочей силы	Качество (человеческий капитал)	Частный	Государственный, в том числе инфраструктурный	
Сокращается медленнее, чем численность трудоспособного населения, благодаря проведению пенсионной реформы, селективному притоку мигрантов, росту продолжительности здоровой жизни	Постепенное сближение с развитыми странами по качеству образования и снижению смертности в трудоспособном возрасте, сохранение лучших кадров за счет привлекательных рабочих мест в креативной экономике	Инвестиции многих предприятий в различных торгуемых и неторгуемых отраслях экономики	Инфраструктура (дороги вместо мега-проектов), социальные объекты, НИОКР	Рост эффективности за счет освоения технологий и развития конкуренции

горизонтальных внешних связей (средний бизнес, университеты), опережающее развитие секторов, ориентированных на потребительский спрос (услуг) (табл. 4.4).

5. К текущей ситуации

Итак, на текущий момент мы выделили два сценария экономического развития, грубо характеризующих возможности выбора: консервативный (инерционный) и реформаторский. Это самый простой вариант. Но он действительно обозначает главный выбор. Потом здесь возможны изменения, например, применение методов регулирования, принадлежащих к разным сценариям. Тем не менее есть главные линии, от которых зависят методы работы, подбираемые кадры и достигаемые результаты. Во всяком случае, если выбран сценарий реформ, то успех его осуществления будет связан с тем, насколько участники процессов будут проникнуты ответственностью и доверием к выбранному пути.

Таблица 4.4. Результаты реформаторского сценария

Экономический рост		Благополучие (уровень жизни населения)		Структура экономики, уровень конкуренции		Отношения с внешним миром		
ВВП	Производительность труда	Реальные доходы населения и потребление	Неравенство	Институциональная структура (макросектора)	Отрасли-драйверы	Торговля (экспорт/ импорт)	Приток капитала	Обмен знаниями и технологиями
	Ускорение роста, доля в мировом ВВП стабилизируется	Ускорение роста	Рост доходов, динамика внутреннего потребления сбалансирована с динамикой инвестиций и экспорта	Неравенство снижается, растут доходы профсоюзных, частных предприятий и мелких собственников, пенсии растут в реальном выражении, зарплат бюджетников на конкурентоспособном уровне	Растет доля сектора малых и средних предприятий, увеличивается конкуренция	Сложная индивидуализованная продукция, креативные индустрии, услуги для населения (в том числе в образовании, здравоохранении), аренда жилья, транспорта, предметов потребления, финансовые услуги	Расширение номенклатуры экспорта, рост доли экспорта услуг, высокий импорт	Ограниченный приток ПИИ

Выбор того или иного сценария во многом определяется тем, какие группы элиты его поддерживают, будучи уверенными в том, что они смогут сохранить или приобрести влияние на власть. В том-то и дело, что консервативный сценарий позволяет с высокой надежностью сохранять власть, тогда как сценарий реформаторский предполагает бóльший поток институциональных и структурных изменений, порождающих риски для удержания власти и связанных с ней привилегий. Да и для значительной части рядовых граждан возникают неопределенности, разрешение которых неочевидно.

Особенность нынешней ситуации, на наш взгляд, в том и состоит, что необходимость реформ делается все более очевидной, тогда как время и методы их проведения порождают многообразные сомнения, естественно в первую очередь у власти предрекающей.

Надо при этом отметить, что проводимую экономическим блоком правительства и ЦБ политику макроэкономической стабилизации не следует рассматривать в качестве специфической черты консервативного сценария, как иногда делают сейчас. Напротив, она является и необходимой чертой реформаторского сценария, поскольку снижает риски возникающих при реформах проблем. Нынешнее состояние в этой сфере говорит скорее о том, что после 2014 г. умеренно жесткая макроэкономическая политика, обеспечивающая приемлемые темпы инфляции, стала необходимостью для любого сценария, как бы общей основой для принимаемых вслед решений. Такая же картина и с демографией.

В нашей работе³¹ 2016 г. и в докладе³² Е.Г. Ясина к XVIII Апрельской конференции 2017 г. рассматривались четыре сценария: инерционный, мобилизационный, «решительный рывок» — радикальные действия по демократизации и постепенное демократическое развитие, которые попарно означали действия в одном направлении. Эти сценарии были отобраны, в частности, потому, что два из них отображали события, имевшие место у нас в 2011–2012 и 2014 гг. и были шокowymi вариантами двух других сценариев — инерционного (консервативного) и постепенного демократического развития (близкого реформаторскому). Сейчас мы решили объединить данные экспертных опросов 2016 и 2018 гг. в два основных сценария, рассмотренных выше (консер-

³¹ См.: [Акиндинова, Кузьминов, Ясин, 2016].

³² См.: [Ясин, 2017].

вативный (инерционный) и реформаторский), принимая во внимание определенную трансформацию, которая, вероятно, имела место в последние два года.

Результаты опроса в 2018 г. приведены в табл. 5.1 с развертыванием на три года (2018–2020).

Таблица 5.1. Результаты опроса экспертов в 2018 г. с развертыванием на перспективу 2018–2020 гг.

	Вероятность выбора, %				Последствия политики в экономике, %				
	2016	2018	2019	2020		2016	2018	2019	2020
Консервативный (инерционный)	73,6	67,67	60,54	54,0	Подъем	9,6	30,5	25,9	20,5
					Стагнация	44,2	55,9	61,8	50,8
					Спад	46,2	14,1	20,4	28,8
Реформаторский	26,4	32,33	39,46	44,46	Подъем	50,1	48,7	56,6	57,9
					Стагнация	29,8	47,2	46,6	32,3
					Спад	20,1	13,1	14,5	18,2

В табл. 5.1 отражены мнения первых 16 экспертов. Они показывают снижение вероятности продолжения консервативного сценария и нарастание вероятности реформаторского. Для сравнения приведены также результаты опроса 2016 г. Последствия, которых ждут эксперты, показывают высокую вероятность стагнации, тогда как реформаторский сценарий характеризуется скорее ожиданиями подъема, хотя вероятность стагнации также оценивается достаточно высоко, особенно для 2018 г.

Мнения экспертов собраны уже в третий раз. В то же время коллеги подсказывали нам, что следовало бы, кроме мнения экспертов, претендующих на более или менее объективную оценку ситуации, отразить также массовые мнения населения. На этот раз мы приводим опросы Левада-Центра, проведенные в конце 2017 г. по принятой им выборке и по упрощенной анкете, в форме, удобной для восприятия обычных граждан.

Результаты исследования Левада-Центра даны в трех таблицах. Суждения о путях развития России приведены в табл. 5.2. Это попытка сопоставить мнения экспертов и обычных граждан. В табл. 5.3 отражены данные опросов о том, какая из известных политических систем представляется лучшей. Предпочтения от-

Таблица 5.2. Какое из следующих суждений о путях развития России в предстоящие 5–10 лет ближе всего к Вашему мнению? (в %)

	Всего		Пол			Возраст			Образование			Потреб. статус						Населенный пункт					
	Человек	%	Мужской	Женский	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	Ниже среднего	Среднее	Среднее специальное	Высшее	Нам не хватает денег даже на питание	Нам хватает денег на питание	Нам хватает денег даже на питание и одежду	Мы можем купить некоторые дорогие вещи	Мы можем купить автомобиль	Мы можем ни в чем себе не отказывать	Москва	От 100 до 500 тыс.	От 500 до 1000 тыс.	Города до 100 тыс.	Село
Число опрошенных	3217	100	1452	1765	305	978	814	1119	645	529	1094	952	146	561	1701	700	89	13	277	753	638	738	813
Ничего не изменится, все останется как сейчас	727	22.6	25	21	21	24	23	21	24	23	22	22	30	25	21	21	25	48	21	23	23	19	25
Экономическое положение страны и людей будет ухудшаться, начнется борьба наверху между влиятельными группами за власть	432	13.4	14	13	11	12	14	15	12	12	15	13	11	15	14	12	13	15	12	11	14	15	14

Начнутся необходимые преобразования в экономике и политике, которые приведут к заметному улучшению положения страны	688	21,4	19	23	24	22	20	21	18	25	21	22	16	16	22	26	23	15	20	24	22	20	20
	974	30,3	31	30	29	29	32	31	32	26	31	31	31	26	30	33	32	22	33	32	31	32	26
Не знаю, затрудняюсь ответить	396	12,3	11	13	15	13	11	11	14	14	11	12	12	18	13	8	0	0	14	10	9	14	15

Таблица 5.3. Какая политическая система кажется Вам лучшей: советская (та, которая была у нас до 1990-х годов), нынешняя система или демократия по образцу западных стран?

Политическая система	1996 Февраль	2000 Декабрь	2005 Октябрь	2010 Февраль	2015 Март	2015 Июль	2017 Январь
Советская, которая была у нас до 1990-х годов	39	45	42	34	34	30	32
Демократия по образцу западных стран	28	29	20	20	11	15	18
Нынешняя система	8	13	23	28	29	32	26
Число опрошенных	1600	1600	1600	1600	800	1600	1600

Таблица 5.4. Какой Вы хотели бы видеть в идеале Россию в будущем?

	1998 Апрель	2006 Апрель	2007 Апрель	2013 Март	2014 Март	2015 Ноябрь	2017 Январь
Такой, как сейчас	2	9	10	8	15	14	16
Такой, как развитые страны Запада	43	43	50	39	40	36	34
Такой, какой она была во времена СССР	36	32	25	25	27	23	28
Такой, какой она была до 1917 г.	5	5	4	7	3	3	3
Затруднились ответить	9	6	6	14	10	14	10

даются советской системе. В табл. 5.4 приводятся мнения относительно того, какую систему в идеале хотели бы видеть в России будущего. Здесь лучший вариант — развитые страны Запада. Из этих данных видна противоречивость суждений и то, как трудно опираться в политике на мнения, высказанные российскими гражданами.

В августе 2017 г. был еще один опрос, проводимый Левада-Центром и Московским центром Карнеги. Его результаты, каза-

лось бы, заметно отличались от нашего. Мнения, к которым следовало присоединиться, сильно расходились с нашими:

- Нужны решительные, полномасштабные перемены 42%
- Нужны лишь незначительные изменения 41%
- Никаких перемен не нужно, пусть все останется как есть 11%
- Затрудняюсь ответить 7%

Вроде бы ответы в этих опросах вполне соответствуют разделению наших сценариев на консервативный и реформаторский. У нас более или менее четко определено, что в каком сценарии делается, а что, напротив, не делается. В этом же исследовании разграничение проведено по другому принципу: кто относится к той или иной группировке сторонников. Самые ярые сторонники перемен — это как бы консервативные группы людей — в возрасте 55+, со средним специальным образованием и потребительским статусом «едва хватает на еду», жители городов с населением до 100 тыс. человек. Хотят перемен, но что надо делать — не знают. Ясно, что это не реформаторы, но и не консерваторы в нашем понимании³³. Лишь меньшую часть сторонников либеральных перемен составляют идейные «либералы и демократы».

Сторонники незначительных изменений также неоднородны: приверженцы консервативного порядка, с высшим образованием, с высоким потребительским статусом. Их жизнь удалась. У этих людей тоже есть, что подправить, но многое можно потерять. Коротче говоря, наши и приведенные выше группы сильно различаются. Различие консерваторов и реформаторов относится скорее к элитам, причем разные группы элит будут искать опору у разных массовых групп.

Мнения же экспертов скорее поворачиваются в сторону реформаторского сценария.

³³ См.: [Волков, Колесников, 2017].

Литература

- Акиндинова Н.В., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г.* (2016). Экономика России: перед долгим переходом // Вопросы экономики. 2016. № 6. С. 5–35.
- Акиндинова Н.В., Чекина К.С., Яркин А.М.* (2017). Экономический рост в России с учетом демографических изменений и вклада человеческого капитала // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 4. С. 533–561.
- Арнольд В.И.* (1990). Теория катастроф. М.: Наука, 1990. 128 с.
- Бессонов В.А.* (2005). Проблемы анализа российской макроэкономической динамики переходного периода. М.: Институт экономики переходного периода, 2005. 244 с.
- Бессонов В.А.* и др. (2011). О развитии сектора ИКТ в российской экономике / В.А. Бессонов, Н.Ю. Бродский, С.В. Журавлев, А.Г. Столярова, А.С. Фролов // Вопросы статистики. 2011. № 12. С. 15–30.
- Волков Д., Колесников А.* (2017). Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? М.: Московский Центр Карнеги, 2017. 34 с.
- Гимпельсон В.Е.* (2016). Отраслевые сдвиги и межотраслевое неравенство // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3. С. 186–197.
- Корнаи Я.* (2000). Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М.: Вопросы экономики, 2000. 672 с.
- НИУ ВШЭ (2018). Структурные изменения в российской экономике и структурная политика. Аналитический доклад / Ю.В. Симачев, Н.В. Акиндинова и др.; под ред. Е.Г. Ясина. 2018.
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М.* (2016). Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3. С. 170–186.
- Полтерович В.М.* (1996). Трансформационный спад в России // Экономика и математические методы. 1996. Т. 32. № 1. С. 54–69.
- Пономаренко А.Н.* (2002). Ретроспективные национальные счета России. 1961–1990. М.: Финансы и статистика, 2002. 256 с.
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П.* (2016). Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по из-

- мерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 216 с.
- ЦСР (2018). Эффективное управление государственной собственностью в 2018–2024 гг. и до 2035 г. Аналитический доклад. М.: Центр стратегических разработок. Январь 2018. 53 с.
- Ясин Е.Г.* (2017). Развитие постсоветской экономики: из прошлого в будущее. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017. 23 с.
- Blanchard O., Kremer M.* (1997). Disorganization // *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112. No. 4. P. 1091–1126.
- Campos N.F., Coricelli F.* (2002). Growth in Transition: What We Know, What We Don't, and What We Should // *Journal of Economic Literature*. 2002. Vol. 40. No. 3. P. 793–836.
- Feldstein M.* (2017). Underestimating the Real Growth of GDP, Personal Income, and Productivity // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. No. 2. P. 145–164.
- Kornai J.* (1994). Transformational Recession: The Main Causes // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 19. 1994. No. 1. P. 39–63.
- Medina L., Schneider F.* (2018). Shadow Economies around the World: What Did We Learn over the Last 20 Years? IMF Working Paper WP 18/17. January 2018. 76 p.

Научное издание

Акиндинова Наталья Васильевна,
Бессонов Владимир Аркадьевич,
Ясин Евгений Григорьевич

Российская экономика: от трансформации к развитию

Доклад НИУ ВШЭ

Подписано в печать 05.04.2018. Формат 60×88 1/16
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 3,4. Уч.-изд. л. 2,4
Тираж 500 экз. Изд. № 2176

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285